

БЛАГОДАРНОСТИ

Множество людей помогли мне своими выдающимися талантами и поддержкой в процессе написания этой книги. Для меня огромное удовольствие сказать им спасибо за эту помощь. Сью Рейнольдс вновь предоставила мне карту, которая не только отражала развитие истории, но и помогала направить его. Рекс Кей и Нил Рэндалл поддерживали меня энтузиазмом и проницательными замечаниями, начиная с ранних этапов работы над романом и вплоть до последних правок. Я глубоко благодарен им обоим.

Я в долгу у великого множества эрудированных мужчин и женщин. С особенным удовольствием отмечу свое восхищение работой Карло Гинзбурга «Ночные битвы» (*I Benandanti*). Также, среди прочих книг, я черпал вдохновение и информацию из трудов Джина Брукера, Лауро Мартинеса, Якоба Буркхардта, Айрис Ориго и Йозефа Хейзинги. И еще я хотел бы выразить признательность двоим людям, к которым давно уже испытываю глубочайшее уважение и чьи работы и источники вдохновения так сильно повлияли на мои собственные: Джозефу Кэмпбеллу и Роберту Грейвсу.

Наконец, пускай упоминание писателем роли супруги в создании книги зачастую и выглядит ритуалом или повинностью, я тем не менее хотел бы торжественно выразить благодарность и любовь своей жене Лоре за непрерывную поддержку и советы, которые я получил в процессе создания «Тиганы», как в Тоскане, так и дома.

Ты бросишь все, к чему твои желанья
Стремилась нежно; эту язву нам
Всего быстрее наносит лук изгнанья.
Ты будешь знать, как горестен устам
Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням¹.

Данте, «Рай»

Что может помнить пламя? Если оно помнит немного меньше необходимого, оно гаснет; если помнит немного больше необходимого, тоже гаснет. Если бы только оно могло научить нас, пока горит, как правильно помнить.

Джордж Сеферис, «Моряк Стратис описывает человека»

¹ Пер. М. Лозинского.

ПРОЛОГ

Обе луны стояли высоко в небе, затмевая все звезды, кроме самых ярких. По обеим сторонам реки горели цепочки походных костров, уходящие далеко в ночь. Тихо струилась Дейза, ловила лунный свет и оранжевые огни костров и отражала их ровной волнистой рябью. И все лучи света стекались к нему, туда, где он сидел на речном берегу, обхватив руками колени, и думал о смерти и о минувшей жизни.

Ночь великолепна, думал Саэвар, глубоко вдыхая теплый летний воздух, запах воды, водяных цветов и растений, наблюдая за отражением голубого лунного света в серебристой реке, прислушиваясь к тихому шелесту течения Дейзы и поющим голосам у далеких костров. На другом берегу реки тоже поют, отметил он, вслушиваясь в голоса вражеских солдат, долетающие с севера. Странно, как трудно приписать абсолютному злу эти мелодичные голоса и слепо ненавидеть их, как, по-видимому, положено солдату. Только он в действительности вовсе не солдат и никогда не умел ненавидеть.

Он не различал фигур на противоположном берегу, но видел костры, и несложно было понять, насколько к северу от Дейзы их больше, чем здесь, у него за спиной, где его сограждане ждали рассвета.

Почти наверняка — последнего. Саэвар не питал иллюзий, никто из них не питал иллюзий после битвы у этой же реки пять дней назад. У них было лишь мужество

и вождь, чья дерзкая отвага могла сравниться только с отвагой двух его юных сыновей, находящихся здесь вместе с ним.

Оба были красивые мальчики. Саэвар пожалел, что ему так и не представился случай сделать хотя бы один их скульптурный портрет. Принца он, разумеется, ваял много раз. Принц называл его другом. Нельзя сказать, думал Саэвар, что он прожил бесполезную или пустую жизнь. У него было его искусство, оно давало ему радость и стимул к жизни, за него он удостоился признания больших людей своей провинции, и даже целого полуострова.

И любовь он тоже знал. Саэвар подумал о жене, а потом о двоих собственных детях. О дочери, чьи глаза открыли ему часть смысла жизни в тот день, пятнадцать лет назад, когда она родилась. И о сыне, слишком юном, чтобы позволить ему идти на север воевать. Саэвар вспомнил выражение мальчишеского лица, когда они расставались. Наверное, такие же чувства отражались и в его собственных глазах. Он тогда обнял обоих детей, а после долго обнимал жену и молчал — за эти годы все слова были сказаны уже много раз. Потом отвернулся, быстро, чтобы они не увидели его слез, вскочил на коня, с непривычки неловко управляясь с мечом у бедра, и ускакал вместе с принцем на войну с теми, кто напал на них из-за моря.

Он услышал легкие шаги за спиной слева, приближавшиеся оттуда, где горели походные костры и голоса сплетались в песне под аккомпанемент сирины. Саэвар обернулся.

— Осторожно, — негромко крикнул он. — Не то споткнешься о скульптора.

— Саэвар? — прошептал чей-то насмешливый голос. Голос, который он хорошо знал.

— Это я, милорд принц, — ответил он. — Вы можете припомнить другую столь же прекрасную ночь?

Валентин подошел — света было более чем достаточно, чтобы видеть, — и аккуратно опустил на траву рядом с ним.

— Сразу не припомню, — согласился он. — Видишь? Прибывающая Видомни сравнялась с убывающей Иларион. Две луны вместе составили бы одну полную луну.

— Странная это была бы луна, — заметил Саэвар.

— Это странная ночь.

— Так ли это? Изменилась ли ночь из-за того, что мы творим здесь, внизу? Мы, смертные, охваченные безумием?

— Изменился наш взгляд на неё, — тихо ответил Валентин; вопрос захватил его быстрый ум. — Мы видим в ней такую красоту отчасти потому, что знаем, что сулит утро.

— А что оно сулит, милорд? — спросил Саэвар, не успев сдержаться. Он почти надеялся, словно ребенок, что у этого черноволосого принца, гордого и милосердного, есть ответ тому, что ждет их на другом берегу реки. Ответ всем игратянским голосам и всем игратянским кострам, горящим к северу от них. И прежде всего ответ ужасному королю Играта, его колдовству и ненависти, которую он без труда пробудит завтра в своих солдатах.

Валентин молчал, глядя на реку. Над головой Саэвара пронеслась падучая звезда, прочертила небо на западе и, вероятнее всего, упала в простирающееся там море. Он пожалел о своем вопросе — сейчас не время взваливать на принца бремя притворной уверенности.

Только он собрался извиниться, как Валентин заговорил размеренным и тихим голосом, чтобы его слова не уносились за пределы их маленького круга темноты:

— Я бродил среди костров, и Корсин и Лоредан делали то же самое, пытаюсь утешить солдат, вселить надежду и развеселить их, насколько это в наших силах, чтобы люди смогли уснуть. Больше мы ничего сделать не можем.

— Они хорошие мальчики, оба, — сказал Саэвар. — Я как раз думал о том, что так и не изваял никого из них.

— Мне очень жаль, — ответил Валентин. — Если что-то и останется после нас хоть на какое-то время, так это искусство, например твое. Наши книги и музыка, зелень Орсарии и белая башня Авалле. — Он помолчал и вернулся к прежней теме: — Они действительно храбрые мальчики.

Но им всего шестнадцать и девятнадцать лет, и если бы я мог, то оставил бы их дома, вместе с их братом... и твоим сыном.

И за это Саэвар тоже его любил: Валентин помнил о его сыне и думал о нем, как и о младшем из принцев, даже сейчас, в такое время.

На востоке и немного позади них, вдали от костров, внезапно запела триала, и оба замолчали, слушая серебристые звуки. Сердце Саэвара неожиданно переполнили чувства, он боялся навлечь на себя позор слезами, боялся, что их могут принять за слезы страха.

— Но я не ответил на твой вопрос, старый друг, — продолжал Валентин. — Истина кажется не такой тяжелой здесь, в темноте, вдали от костров и всех тех забот, что я там видел. Саэвар, мне очень жаль, но истина в том, что почти вся кровь, которая прольется утром, будет нашей кровью, и боюсь даже, что она вся будет нашей. Прости меня.

— Мне нечего прощать, — быстро ответил Саэвар так твердо, как только смог. — Эту войну не вы начали, и не в ваших силах было ее остановить или отменить. И кроме того, может быть, я не солдат, но надеюсь, и не глупец. Это был лишний вопрос: я сам вижу ответ. В тех кострах, что горят за рекой.

— И в колдовстве, — тихо прибавил Валентин. — Больше в нем, чем в кострах. Даже измотанные и страдающие от ран после сражения на прошлой неделе, мы могли бы отбить более многочисленные силы. Но с ними сейчас колдовство Брандина. Лев явился собственной персоной вместо детеныша, и поскольку детеныш мертв, утреннее солнце должно увидеть кровь. Может быть, мне следовало сдаться на прошлой неделе? Сдаться мальчишке?

Саэвар повернулся и изумленно посмотрел на принца при смешанном свете лун. На несколько секунд он потерял дар речи, потом вновь обрел его.

— После того как мы бы сдались, — решительно проговорил он, — я бы пришел во Дворец у Моря и разбил все ваши скульптурные портреты, которые когда-то сделал.

Через мгновение он услышал странные звуки. Он не сразу понял, что Валентин смеется, потому что такого смеха Саэвару никогда еще не доводилось слышать.

— Ох, друг мой, — наконец произнес принц, — мне кажется, я заранее знал, что ты это скажешь. Уж эта наша гордость. Наша ужасная гордость. Хотя бы это будут о нас помнить после того, как нас не станет, как ты думаешь?

— Возможно, — ответил Саэвар. — Но помнить будут. Единственное, что я знаю наверняка, это то, что нас будут помнить. Здесь, на полуострове, и в Играте, и в Квилее, даже на западе, за морем, в Барбадиоре и Империи. Мы оставим след.

— И мы оставим наших детей, — сказал Валентин. — Младших. Сыновей и дочерей, которые будут нас помнить. Наши жены и отцы будут учить их, и когда дети вырастут, они узнают о битве на реке Дейзе, о том, что здесь произошло, и даже больше — чем мы были в этой провинции до падения. Брандин Игратский может уничтожить нас завтра, может разрушить наш дом, но он не сможет отнять наше имя и память о том, какими мы были.

— Не сможет, — эхом отозвался Саэвар, неожиданно чувствуя странный душевный подъем. — Я уверен, что вы правы. Мы не будем последним свободным поколением. Волны завтрашнего дня будут видны на воде все грядущие годы. Дети наших детей будут нас помнить и не станут покорно носить ярмо.

— А если кто-нибудь из них и проявит такую склонность, — прибавил Валентин изменившимся тоном, — дети или внуки одного скульптора снесут им головы — каменные или из другого материала.

Саэвар улыбнулся в темноте. Ему хотелось рассмеяться, но пока что он не находил в себе для этого сил.

— Надеюсь, что так и будет, милорд, если будет на то воля богинь и бога. Благодарю вас. Благодарю, что вы это сказали.

— Никаких благодарностей, Саэвар. Только не между нами и не этой ночью. Да хранит и оберегает тебя зав-

тра Триада, а после — да хранит и оберегает всех, кого ты любил.

Саэвар проглотил комок в горле.

— Вы знаете, что принадлежите к их числу, милорд. Вы — из тех, кого я любил.

Валентин не ответил. Только через мгновение он наклонился и поцеловал Саэвара в лоб. Потом поднял руку, и скульптор, со слезами на глазах, тоже поднял руку и коснулся ладонью ладони принца в прощальном приветствии. Валентин встал и ушел обратно к кострам своей армии, тенью в лунном свете.

Пение прекратилось на обоих берегах реки. Было очень поздно. Саэвар знал, что ему тоже следует вернуться и попробовать поспать несколько часов. Но было трудно уйти, встать и отказаться от совершенной красоты этой последней ночи. От реки, лун, звездной арки, светлячков и всех этих костров.

В конце концов он решил остаться здесь, у воды. Он сидел в одиночестве во тьме летней ночи, на берегу реки Дейзы, крепко обхватив сильными руками колени. Смотрел, как заходят две луны, как постепенно гаснут костры, и думал о жене, о детях и о созданных его руками скульптурах, которые останутся жить после его смерти. И триала пела для него всю ночь.

Часть первая

КЛИНОК В СЕРДЦЕ

